

Осеннее небо было высоким, а ветры — стремительными и сухими. Буквально за два-три дня колосья на току окончательно подсыхли: стоило лишь слегка потереть их в ладонях, как спелые зерна с тихим шорохом осыпались вниз.

В день обмолота староста Го Дацюань пригнал мула и привез тяжелый каменный каток. Животное мерно пошло по кругу, уминая разложенные на земле колосья; под весом катка те сплющивались, и зерно легко отделялось от стеблей.

Для крестьянской семьи тягловая сила была самым ценным имуществом. Те, кто мог позволить себе хотя бы осла, считались зажиточными, а мул ценился вдвое дороже. Он был куда выносливее и сильнее: и в плуг его запрячь можно, и груза он увезет намного больше. В деревне Тополиной подобная скотина была только у Го Дацюаня, поэтому вокруг тока сразу собралась толпа любопытных ребятишек.

Пока Ли Маосянь и Го Дацюань о чем-то вполголоса беседовали в стороне, Ли Цинму вел мула, а матушка Чэнь и Ли Цинхун неустанно ворошили колосья вилами.

В это утро на току семьи Ли народу собралось даже больше, чем во время жатвы. Весть о сорговой патоке разлетелась быстро, и теперь каждый хотел выслужиться перед главой семьи, надеясь, что в следующем году он поможет им с переработкой сахара.

Среди собравшихся было много женщин. Завидев Ли Цинвэня, они тут же окружили его, принявшись подшучивать и причитать, какой он беленький да гладенький. По их словам, он совсем не походил на деревенского сорванца, а выглядел как настоящий молодой господин из города.

С тех пор как юноша пришел в себя, он почти не поднимался в горы, всё время пропадая дома за раздумьями о том, как заработать денег. На фоне деревенской детворы, которая целыми днями носилась по округе и загорела до черноты, Ли Цинвэнь и впрямь заметно выделялся.

Он старался отвечать на расспросы степенно и вежливо, но из-за непривычки к такому вниманию казался окружающим на редкость послушным и кротким ребенком. Женщины, вконец измученные своими сорванцами, наперебой хвалили матушку Чэнь за такого рассудительного и спокойного сына.

У Ли Цинвэня от этой похвалы даже кончики ушей заалели. На самом деле он вовсе не был таким уж тихоней, просто до сих пор не до конца освоился в этой незнакомой эпохе и не мог вести себя так же бесшабашно, как его Четвертый брат.

Заметив, что младшему сыну неловко в окружении шумных соседок, матушка Чэнь пришла на помощь:

— Сынок, не стой на ветру, а то глаза пылью запылит. Пойди-ка лучше спроси у дяди Го, не хочет ли он испить воды.

Поняв, что мать просто ищет предлог, чтобы его выручить, Ли Цинвэнь медленно обошел ток и направился к северной меже. Однако не успел он дойти, как староста спустился с межи и ушел к себе.

Ли Маосянь вернулся к работе, но юноша заметил, что отец чем-то сильно озабочен: глубокая морщина между его бровей так и не разгладилась.

***

Спустя два часа, когда первый слой обмолоченных колосьев убрали, а зерно сгребли в высокую кучу, ветер, как назло, стих. Без хорошего порыва было невозможно очистить урожай от шелухи, так что веяние пришлось отложить.

Оба домашних станка для отжима сока уже были розданы соседям. Те, кому не досталось, то и дело подходили к Ли Маосяню с расспросами, как соорудить такой же. Отец сходил на подворье к одному из просителей, но вернулся с окровавленной рукой. Оказалось, он как-то неудачно зацепился: ноготь на большом пальце треснул и наполовину сорвался, кровь заливала всю ладонь.

Матушка Чэнь не стала докучать расспросами. Она достала из сундука бумажный сверток с кровоостанавливающим порошком, который специально привез из города Ли Цинчжо.

— Скоро само подсохнет, нечего лекарство зря тратить, — отец упрямо прятал руку за спину.

Матушка Чэнь промолчала, но лицо её потемнело от гнева.

Ли Цинвэнь, присматривавший во дворе за племянниками, услышал разговор и тут же вошел в комнату.

— Отец, рана глубокая. Если не присыпать, заживать будет долго, только время потеряете, да и работать не сможете.

Глядя в серьезные глаза младшего сына, Ли Маосянь наконец сдался и взял сверток. Но поскольку пострадала правая рука, левой насыпать порошок было неудобно. Матушка Чэнь потянулась помочь, они начали неловко перетягивать сверток друг у друга, и тот внезапно выскользнул из рук, рассыпав драгоценное средство по полу.

— Да что же с тобой сегодня такое?! — не выдержала матушка Чэнь. — Столько людей тебя звали, а ты первым делом побежал к этому Старине Ханю Седьмому! Лодырь несчастный, сколько мы в поле горбатились — его и след простыл, а как приспичило самому что-то

смастерить, так сразу к тебе! Ты мало того, что пошел за него работу делать, так еще и руку искалечил, а он даже не заглянул спросить, как ты!

Обычно Ли Маосянь пропускал ворчание жены мимо ушей, но сегодня, видимо, и у него на душе было беспокойно. Он нахмурился:

— Ну, ленив он малость, но человек-то неплохой. У него нужда была, вот я и помог. А поранился сам, по неосторожности, нечего человека зазря винить.

Матушка Чэнь, сама женщина работающая, больше всего на свете не терпела лентяев. Услышав, как муж выгораживает соседа, она в сердцах махнула рукой и вышла прочь.

Ли Маосянь долго стоял на месте, тяжело вздыхая. Он присел, пытаясь собрать хоть немного уцелевшего порошка, но тот смешался с пылью, так что пришлось оставить эту затею.

За обедом матушка Чэнь с грохотом ставила миски на стол, а отец сидел, не поднимая глаз. Едва закончив трапезу, он снова собрался на ток. Мать не стала его удерживать, но глаза её предательски заблестели от обиды и жалости к мужу.

***

Ли Цинвэнь застыл в нерешительности, не зная, чью сторону занять. К нему подошла госпожа Цзян и шепнула:

— Сынок, я пойду утешу маму. А ты ступай к отцу, поговори с ним. Кажется, его что-то гложет, но он никогда нам ничего не рассказывает, всё в себе носит.

Когда Ли Цинвэнь вышел на улицу, Ли Цинхун молча последовал за ним. На заднем дворе по-прежнему царил безветрие. Почти все жители деревни сейчас были в полях, торопясь закончить жатву, так что на току Ли Маосянь был совсем один.

— Отец, рука сильно болит? — спросил юноша, глядя на сорванный ноготь, под которым виднелось нежное розовое мясо, и сердце его болезненно сжалось.

— Пустяки. Кровь уймется — и ладно, — Ли Маосянь даже не повел бровью.

— Отец, вы бы поберегли себя. Мама ведь только из-за того и рассердилась, что за вас испугалась...

— Невестка тебя прислала? — отец слабо улыбнулся.

Ли Цинвэнь кивнул и признался:

— Она сказала, что у вас что-то случилось... Отец, вы столкнулись с какой-то бедой?

Ли Маосянь на мгновение замер, глядя в ясные глаза сына.

— Недавно дядя Го заходил... Говорит, хочет доложить уездным властям о том, как мы сахар варим. Мол, так и мне награду выхлопочет, и, может быть, удастся добиться освобождения деревни от осенней подати в этом году. Вот я и раздумываю над этим.

Так называемая «осенняя подать» была одним из дополнительных налогов в уезде Люшань. Её ввел новый глава уезда сразу по вступлении в должность. В первый год каждая семья платила по двадцать с лишним взней, а в этом сумма вырастет до тридцати пяти.

Во время сбора урожая стражники из ямэня объезжают деревни, проверяя зерно и собирая деньги. Если деревня не платит в срок, власти отказываются принимать у неё налог зерном. А если даже удастся собрать деньги позже, крестьянам приходится самим везти зерно за сотню ли на государственные склады, где стража и чиновники снова начинают придирается и вымогать взятки.

В прошлом году несколько деревень не смогли расплатиться вовремя, и им пришлось хлебнуть горя. С тех пор при одном упоминании этой подати у всех крестьян Люшаня по спине пробегал холодок.

— Отец, но разве получить награду и освобождение от налога — это не благо? О чем же тут горевать? — не выдержал Ли Цинхун, до этого хранивший молчание.

Ли Маосянь глубоко вздохнул:

— Вы, дети, не до конца понимаете, насколько важно то, что мы сделали. На севере сорго — основа всего. Если с одного му земли можно получить столько сахара, то представьте, что будет, когда засеют десятки и сотни тысяч му... Сорго дает много зерна, да еще и сахар в придачу. Если местный чиновник доложит об этом двору, это сочтут за величайшую заслугу.

Ли Цинвэнь начал понимать:

— Вы не хотите, чтобы глава уезда присвоил себе эту славу?

Отец кивнул:

— Именно так. Нынешний глава нашего уезда — человек алчный и низкий. Он только и делает, что обирает народ да тиранит округу. Пусть я всего лишь песчинка в этом мире, но не желаю

служить подставкой для седла такому ничтожеству. Он спит и видит, как бы выслужиться и продвинуться по службе, идет по головам ради своих целей. Одной рукой он душит людей налогами, а другой сулит награды за полезные советы. Не нужны мне его грязные деньги, и славу свою я ему отдавать не хочу. Но и подать эта... Деревне сейчас ох как нелегко придется.

Тридцать пять взней для многих семей были огромной суммой, а ведь это был далеко не единственный налог за год. Ли Маосянь разрывался: он не хотел помогать подлецу-чиновнику в карьере, но и смотреть, как односельчане отдают последнее, тоже не мог.

Спустя долгое молчание Ли Цинвэнь вдруг спросил:

— Отец, а разве дядя Цинь не служит помощником главы в уезде Ли?

Ли Маосянь вздрогнул от неожиданности и кивнул.

— Если я правильно помню, то этот сладкий сорго вы привезли именно из уезда Ли, верно? — продолжал юноша. — Значит, вы можете как можно скорее сообщить о способе варки сахара дяде Циню. Пусть заслуга за это открытие официально достанется ему. Тогда никто другой не сможет наложить на неё лапу.

Ли Маосянь так и просиял:

— Точно! Верно говоришь! Сынок, это же прекрасная мысль! Я ведь и так собирался писать письмо твоему дяде Циню, у них там этого сорго — целые поля!

Ли Маосянь уже собрался бежать домой, чтобы взяться за кисть, но сын придержал его:

— Что же касается осенней подати, не берите в голову. В этом году в деревне посадили больше десяти му этого сорго, и патоку по уговору отдадут нам. Мы можем наделать из неё рулетов из боярышника и шацимы на продажу, а вырученные деньги одолжить тем семьям, кому совсем немогуту платить налог. Разумеется, не даром — пусть в следующем году вернут долг либо сорговыми стеблями, либо патокой, либо деньгами. Так мы и деревне поможем в трудный час.

Ли Цинвэнь рассудил просто: сорго показало себя отлично, в следующем году его посадят в каждом доме, так что люди в любом случае заработают. Глядишь, тогда эта подать уже не будет казаться такой неподъемной.

Ли Маосянь резко остановился и с нескрываемым восхищением посмотрел на младшего сына:

— Цинвэнь, а ведь ты всё продумал!

Юноша лишь улыбнулся:

— Да вы и сами об этом думали, отец. Просто забот навалилось столько, что мысли в кучу не сразу собрались. Я ведь всему у вас и у старших братьев учусь.

***

Не теряя времени, Ли Маосянь бросился домой. Он так усердно растирал тушь, что заполнил всю тушечницу, и, не жалея бумаги, исписал несколько плотных листов. Узнав, что письмо нужно срочно доставить в уезд Ли, матушка Чэнь безмолвно достала из тайника все семейные сбережения. Деньги, вырученные за сахарные узоры, еще не успели согреться в руках, как глава семьи забрал их и поспешил в город.

Когда он вернулся из уезда, от недавней меланхолии не осталось и следа. Он даже начал потихоньку улыбаться.

К вечеру поднялся долгожданный ветер. Ли Цинму и его шурины пришли пораньше: втроем они быстро перевеяли зерно, даже не дав Ли Маосяню притронуться к лопате. Урожай тут же засыпали в мешки и перенесли в амбар.

В тот вечер Ли Маосянь строго-настрого наказал всем домочадцам: на любые вопросы о торговом сахаре отвечать, что ничего не знают. Мол, со всеми делами — только к главе семьи.

Матушка Чэнь, понимая, что всё это — затея младшего сына, невольно вздохнула:

— Голова у нашего сынка светлая, проницательная. Родись он на пару десятилетий раньше, пошел бы к учителю, выучился — и наверняка стал бы большим чиновником.

Услышав это, Ли Цинвэнь мгновенно вспомнил свои мучительные десять лет за учебниками в прошлой жизни и невольно выкрикнул:

— Мама, я не хочу учиться!

Этот вопль прозвучал так отчаянно и жалобно, что вся семья замерла.

— Ты же такой смысленый, неужто грамота тебе не мила? — удивились родные. — Землю пахать — труд тяжкий: пот градом катится, спины не разогнуть, а урожай — дело ненадежное. Куда лучше быть ученым человеком — счета вести, делами заправлять. Это же почетнее, чем в навозе ковыряться.

Ли Цинвэнь затряс головой так сильно, что едва не упал.

«Пусть мне хоть пару лет дадут передохнуть! — в панике думал он. — Только-только сдал экзамены — и снова в этот омут?»

Он с мольбой посмотрел на отца:

— Нет, не хочу я за книги.

Ли Маосяня рассмешила такая реакция сына:

— Не бойся, Цинвэнь. Ныне государственные экзамены уже много лет как отменены, так что в учении сейчас особого проку нет. Мы не станем тебя неволить, даже если деньги будут. Но грамоте всё же обучиться придется: неграмотный человек — что слепец, в делах ничего не смыслит.

Ли Цинвэнь закивал, точно болванчик:

— Буквы выучу, это я согласен.

<http://bllate.org/book/15828/1434901>